

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th Street, New York 19, N.Y.

Двадцать вторая книга журнала «Грани» посвящена памяти А. П. Чехова по случаю пятидесятилетия со дня смерти, но кроме небольшой вступительной статьи Георгия Петрова — венок на могилу чеховской России и прежней русской интеллигенции, и шести статей о восприятии Чехова иностранцами (среди них, кажется, лишь одна принадлежит перу русского автора) только Глеб Струве публикует русские материалы об отношении Чехова к В. Э. Мейерхольду, которые тщательно замалчивают советские литературоведы. Эторе Ло Гато дал очерк отношения к Чехову в Италии, начиная с 1901 года, когда в Италии появилась о нем первая статья — В. Жаботинского, а в 1902 — итальянского автора Г. Бадиво. Широкая итальянская публика узнала о Чехове после первой мировой войны, первый чеховский спектакль, «Дядя Ваня», был поставлен в 1922 году в Риме и во Флоренции. «Чайка» и «Вишневый сад» — в 1924 г., затем в 33 и в 34 гг. эти пьесы были повторены. В настоящее время существует множество переводов отдельных произведений Чехова и его пьес, и ряд работ о Чехове — самого Ло Гато, Каю Грабера, Эвелия Гаспарини («Театр Чехова») и др. «Чехов близок понятен всем глубокой человечностью своего творчества» — пишет в своем труде о Чехове Арнольдо Керубини.

К. Фитцлайон в статье «Чехов в английской литературе» подтверждает то, что мы уже знаем, а именно — успех произведений Чехова в Англии. Несмотря на то, что вначале Чехов прививался в Англии туго, с 1909 года «нем-то, какой-то до тех пор неизвестной ноткой, Чехов задевает за живое

его превозносит Беру, Д. Миддлетон Мур — мерилом, колеблет мерить всю собою литературу, и т. е. ясно, какое влияние Чехов на ряд английских писателей, в том числе на инсфильд. Англичане ценят Чехова, его трезвость, сдержанность и самый дух его ума, близкий английскому. «Чехов скорбит об убитых и оскорбленных, но, и англичане, не вовлекая Бога в свою скорбь», т. е. занимается богоискательством и богоборчеством, как многие другие русские писатели — по мнению автора.

Грета Йельм — «Чехов — драматург в Швеции» и Виллиам Ренсен «Вишневый сад» и «Данни» рассказывают об истории чеховского театра в их странах. А. Н. — «Чехов у сербов» отмечает роль, сыгранную эмигрантами — артистами Московского Художественного театра, в смысле передачи сербским посетителям театров духа и колорита чеховских драм, а также о влиянии Чехова на сербскую новеллу и сербскую драму.

В своей пространной статье «Чехов и французы» Николай Татищев, к сожалению, не ограничился прямой задачей — обрисовать отношение французской культуры к творчеству Чехова, но осложнил статью порой весьма парадоксальными высказываниями о том, например, что Чехов, «вопреки всей традиции русской литературы, по слову Достоевского «вышедшей из «Шинели» Гоголя», нарушил традицию «кающихся за грехи отцов писателей... симпатии его не направлены в сторону слабых». В том, что «Чехов совсем не знает иронии, а только юмор» Татищев видит причину того, что его так хорошо приняли в Англии и так долго недооценивали во Франции, где только в последнее время, отчасти под влиянием англичан, начали ценить Чехова. «Во Франции», как отмечает Татищев, «мнения о Чехове сводятся к двум видам: одни считают его натуралистом, последователем Золя, чем сам Чехов охотно бы согласился, другие — причисля-

ют его к символистам и открывают в нем религиозное начало». Так или иначе, правильно или неправильно французы представляют себе Чехова и вообще русских, Чехов в настоящее время не может полагаться на отсутствие внимания к себе, а по поводу его пьес, шедших в Париже совсем недавно, разговоров и восторгов в парижской печати было не мало.

Переходя к другому материалу в отчетном номере, невольно хочется сделать одно, не мной одним поддерживаемое, замечание: — «Господа, довольно военных рассказов!» События военных лет не могли не потрясти наших новых писателей, бывших, в большинстве случаев, активными участниками их, вынесших на себе тяжесть их, но... нужно как-то сопротивляться этой памяти о прошлом, жить настоящим, искать среди окружающей нас жизни сюжеты более близкие современному читателю. Мне ответят, вероятно: «нельзя и не нужно забывать то», но как бы то ни было, жизнь, если она живая жизнь, а не статика и не стилизация, все время идет вперед. Крупные или средние таланты, все равно, сейчас как бы придавлены этой тяжестью памяти. Из шести прозаических произведений, принадлежащих перу авторов из среды «новой эмиграции», все шесть — «из военного времени».

Неудивительно поэтому, что писателю хочется отдохнуть на произведениях писателей «старшего поколения» — А. Ремизова, И. Сургучева. Не потому только, что три сказки Ремизова написаны с присутствием ему всегда тонким и умным внутренним слухом, дело тут не в том даже, насколько по своему стилю они превосходят другие произведения, а в том, что Ремизов творчески всегда в движении, что он ни к какому определенному отрезку времени не прикован. Как пример, укажу на рассказ Б. Филиппова «Стена» в этом же номере журнала. Начат рассказ очень интересно: одиночество каждого человека, невозможность проникнуть во внутреннюю жизнь даже самых близких к нему людей, узнать, о чем думают они, что в их душе творится. Если бы Филиппов довел до конца рассказ о своем майоре Лысакове по этой линии он мог бы многое показать нам в человеке вообще, но он сворачивает на легкую дорожку: война, назначенный цензором майор вдруг устает быть цензором, да еще советским, возмущается и погибает, как погибали уже сотни подобных же героев в подобных же «военных» рассказах.

«Мой осколок» Л. Алексеевой и «Товарищ баронесса» Н. Неймирока — две зарисовки из «той эпохи». Девочка в лагере «Ди-Пи», лагерные события, мальчик Толя, умирающий от туберкулеза и, в рассказе Неймирока — вышедшая за барона — эмигрантка вывезенная из России «сестовка» и ее грустный конец все это так, вероятно, и было в действительности.

«За жизнью жизни!» А. Кашина, очевидно, глава из его повести о Мишке, уголовном герое из среды русской эмиграции в Китае, прохождение которого мы уже кое-что знаем от Кашина, Мишка и на сей раз столь же динамичен и жив, как и другая героиня рассказа, проститутка Женя. Кашин свободно входит во все переживания своих «блатных» героев, бывает и груб и нежен, и трогателен, и скверен, как они. Может быть, на этот раз он кое-где, в смысле языка, слишком уж «закручивается», например, — «А если иной раз и шелкнет голое чувство и я закричу...», но в общем по-прежнему доверяешь его таланту.

«Серка» В. Свена, хотя героиня рассказа, потерявший руку солдат Иван Кожемяка и искалеченная разорвавшимся снарядом «бывшая» артиллерийская лошадь, «Серка», действуют во время войны и сей-

час же после нее, по манере письма, по уменью вести повествование, по языку, нужно также отметить. Трагедия крестьянина — колхозника, получившего было в собственность выделенную им лошадь, и гибнущего потом за нее, передан В. Свеном психологически точно. Зато совсем неудачно продолжение романа Анатолия Дара «Солнце все же светит». Сторона фактическая — нагромождение бесчисленных данных об осаде Ленинграда, подобно лавине, обрушивается и совсем погребает под собой героев романа, порой просто нельзя разобрать, где кончается репортаж, где начинается действие самого романа, к чему относятся те или иные сцены. Стихотворения А. Лисицкой, — сонеты, посвященные царевне Софье, Анне Алексеевне, Петру Третьему, Павлу Петровичу, Трех Алексеям и Ледяному Дому, с точки зрения стихотворного ремесла написанные умело, заставляют вспомнить о моде, кажется, 1912 года, когда подобные стихотворения на подобные же сюжеты писали многие поэты — Агнiewicz, Потемкин, Лев Никулин.

В отделе статей интересна обстоятельная статья «о С. Л. Франке и его учении» С. Левицкого и большая, не лишенная некоторых внутренних противоречий и западничности в отношении современной критики и «парижской школы поэтов», якобы игнорирующих В. Хлебникова, поэта чрезвычайно значительного в представлении В. Маркова. Недавно кто-то из наших поэтов напечатал в одной из газет большую статью о литературе, с целью вызвать полемику, подобную полемике довоенного периода эмиграции, но спора ни с кем так и не получилось. Видимо, сейчас ни у кого из литераторов нет ни энергии, ни желания вступать в споры, а жалко! Нужно было бы нам

начать где-нибудь дискуссию, например, о том, что такое поэзия, пересмотреть отношение к прошлым «яконам» и т. п. Спорить по существу с В. Марковым здесь, в газетной статье, да еще под конец рецензии и так затянувшейся, об отношении к поэзии Хлебникова, я лишен возможности, но все-таки, мне кажется, В. Марков, стараясь как можно объективнее оговорить все свои «за» и все «против», все-таки видит поэзию В. Хлебникова «en beau».

До революции, помню, в самом начале футуризма многие относились к Хлебниковским стихам совсем отрицательно, считали его кретинком, сумасшедшим, что, конечно, было неправильно. Но, с другой стороны, репутация Хлебникова, после его смерти, была слишком раздута в эпоху формализма. Нельзя также преувеличивать влияния Хлебникова на раннего Пастернака, тем более, что самый ритмическо-звуковой ключ Пастернака совершенно иной, Осип Мандельштам, по свидетельству лиц его хорошо знавших, вряд ли хоть сколько-нибудь хорошо знал стихи Хлебникова, для Маяковского же Хлебников был в те годы, в конце концов, тем, кого он раздвигал «на зло врагам», а Гумилев хвалил Хлебникова для того, чтобы досадить другим представителям «зауми» — «вот, не всех же я ругаю, видите!» Повторяю, пересмотреть творчество Хлебникова сейчас было бы очень нужно, для того чтобы сказать свое «да» или «нет», тем более, что многие произведения Хлебникова были изданы в России уже после его смерти. Пока же — хорошо, что Марков поставил этот вопрос и с своей стороны постарался дать возможно более полный ответ, ответ для него — положительный, о Хлебникове поэте. Ю. Терпиано.